

РОССИЯ В ИДЕЯХ И ТВОРЧЕСТВЕ ХОСЕ МАРТИ

Аннотация

В данной статье, посвященной выдающейся личности кубинской истории Хосе Хулиану Марти-и-Пересу (1853–1895), проведено осмысление того, как чувства и принципы, взращенные в детстве, раскрываются в творчестве, журналистской и переводческой деятельности великого революционера. Определены человеческие ценности, жизненные убеждения, которым Хосе Марти был верен и отражение которых искал и находил в творчестве русских писателей, художников, политических деятелей. Такая далекая Россия стала близкой писателю по духу, творческой мысли, революционным идеям, а патриотичный, самоотверженный образ русского народа, увиденный и воспетый Хосе Марти, до сих пор живет в латиноамериканском понимании русской культуры.

Ключевые слова: Куба, Россия, Хосе Марти.

Автор¹

Хосе Антонио Хордан Сигаррета

Поэт, писатель, публицист, старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России и приглашенный преподаватель Дипломатической Академии МИД России

В 2023 году Куба и весь испаноязычный мир отмечает 170-летие со дня рождения одного из своих самых выдающихся сыновей Хосе Хулиана Марти-и-Переса (1853–1895) — поэта, писателя, публициста, переводчика, революционера, лидера освободительного движения Кубы от Испанского влияния. История помнит его как Хосе Марти — по упрощенной форме его имени, которую он сам выбрал для подписания своих бесчисленных работ².

Несмотря на относительно поверхностные знания Хосе Марти о России, именно он внес значительный вклад в формирование в Латинской Америке представления об этой стране.

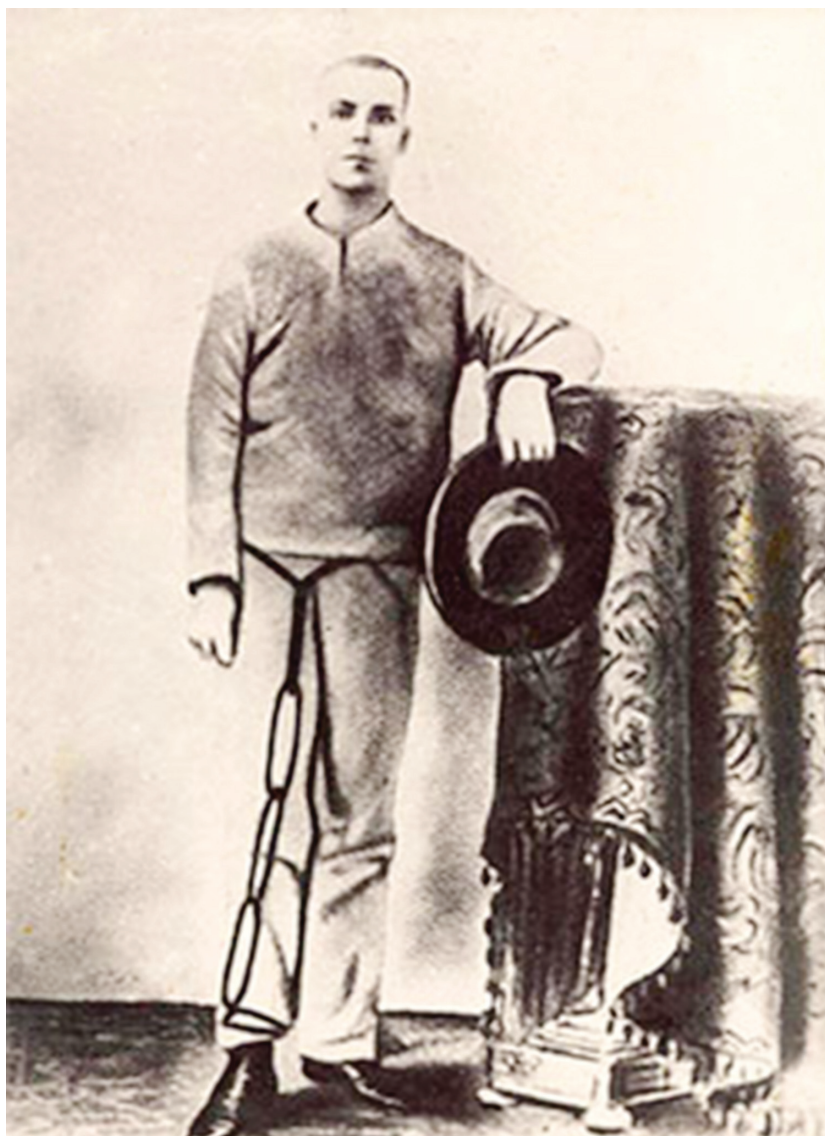
Огромный авторитет Хосе Марти среди интеллигенции, художников, влиятельных политических и социальных

лидеров Западного полушария способствовали тому, что он стал личностью, оказавшей влияние на формирование латиноамериканской идентичности и мысли. Это также стало причиной того, что именно Марти способствовал созданию образа России и ее народа, как храброго, патриотичного, самоотверженного, наделенного безграничным талантом и чувственностью. Этот образ до сих пор сохраняется в умах и сердцах латиноамериканцев.

Родился Хосе Марти в испанской колониальной Гаване в скромной семье полицейского и домохозяйки. Мальчик проявлял остроумие и неутолимую жажду знаний. Его любознательность и этические ценности, привитые родителями и его любимым учителем Рафаэлем Марией де Мендиве, сфор-

¹ Автор получал призы на различных литературных конкурсах, включая почетное упоминание в 52-м конкурсе поэзии и рассказов Латиноамериканского Института Культуры Буэнос-Айреса (Аргентина) и премию поэзии «In-Verso» Фонда Фуэнтетаха (Мадрид, Испания), является автором сборника стихов «Los ángeles proscritos» и книги рассказов «Enigmas insulares».

² Критическое издание полного собрания сочинений Хосе Марти (Центр исследований о Хосе Марти, Гавана, Куба, 2016) состоит из 29 томов.

Хосе Марти в 1870, в каменоломнях «Сан Ласаро»

Источник фотографии: сайт Национальной библиотеки имени Хосе Марти — <https://bnjm.cu/>

мировали его характер и критическое отношение к несправедливости. Это привело Хосе Марти к противостоянию испанскому колониальному правительству и, как следствие, суровому наказанию в 16 лет в виде ареста, принудительных работ в каменоломнях «Сан Ласаро», ссылке на остров Пинос, а позже депортации в Испанию. Эти обстоятельства не только не запугали молодого Марти, но и укрепили его волю,

мужество и убеждения, сделав его героем дела независимости, которому он посвятил каждое мгновение своей недолгой, но плодотворной жизни.

Во время вынужденного пребывания в других странах, лишенный возможности противостоять Испанской империи на поле боя, Марти умело использовал единственное оружие, которое было в его распоряжении — слово. Своими литературными произведения-

ми, публицистическими статьями, эссе, переводами произведений классиков европейской и североамериканской литературы Марти наносил резкие удары по колониализму, империализму, рабству и другим формам угнетения, которые он рассматривал как катастрофическое наследие прошлых эпох и считал, что человек XIX века, наследник самых прогрессивных идей Просвещения, обязан был полностью искоренить.

Таким образом, Хосе Марти стал одним из самых актуальных писателей своего времени, которого некоторые литературные критики считали основоположником модернистского движения в литературе, даже более значимым, чем друг Марти никарагуанец Рубен Дарио. Интересы Хосе Марти выходили за рамки литературы и охватывали все виды искусства, философию и культуру разных народов мира. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что герой Кубы был так очарован далекой Россией, называл ее страной будущего, выдающейся нацией, призванной стать движущей силой великих перемен, которые приведут человечество к новому историческому этапу. Однако в противоречиях русской души он видел своего рода тормоз для реализации исторической миссии России, считал ее подобной искре, разжигающей костер, но не самим костром.

В своем письме редактору газеты «La Nación» от 29 марта 1883 года в Нью-Йорке он пишет:

«Русские — кнут Реформации; но нет, все же не эти нетерпеливые и великодушные люди, запятнанные гневом, должны заложить фундамент нового мира: они — шпора, приходят вовремя, как голос совести, который нельзя заглушить; но сталь шпоры плохо подходит для молота основателя» [1].

Прочитав «Современную Россию» Эмилио Кастелара¹, Марти был глубоко впечатлен подробным, величествен-

ным, почти мистическим образом, который известный испанский политик и писатель представил в своей работе о далеком евразийском царстве.

Кубинский революционер был неутомимым борцом за справедливость. В своих произведениях он всегда демонстрировал солидарность с угнетенными и презрение к правящим классам, но прежде всего он был человеком чести и умел ценить достоинства людей независимо от их социального класса или происхождения. Так, несмотря на свое глубокое презрение к монархиям, в статье о Брюссельской конференции, написанной 9 марта 1875 года для мексиканского журнала «Universal», Марти с восхищением говорит о наследнике престола России:

«Цесаревич Александр Александрович² энергично проводит программу освобождения России от всякого немецкого влияния, и на Славянском съезде в Москве эти слова подытоживают его намерение: «Мои предки освободили Россию от татар; мой отец освободил ее от крепостного права; я освободил ее от немцев» [1 — С. 10–11].

В той же статье Марти хвалебно отзываясь о российской дипломатии во время Брюссельской конференции:

«Россия совершенно естественно привлекает к себе внимание важностью вопросов, которые она выдвигает, сдержанностью, с которой ее решение влечет за собой действие (...) Главный предмет этой конференции [Брюссельской] — способствовать соглашению между нациями, а не изменять международные законы, и Россия полна решимости исполнить это» [1. — С. 10–11].

Несмотря на идеологические разногласия с российским царским домом, как и с любой другой монархией, Марти разделяет патриотизм лидеров этой

сатель, председатель исполнительной власти Первой республики в 1873–1874 гг.

² Александр Александрович Романов, будущий император Александр III (1845–1894).

¹ Эмилио Кастелар-и-Риполь (1832–1899) — испанский политик, историк, журналист и пи-

страны, их усилия по достижению мирного решения конфликта с Германией и поиск путей минимизации ущерба от возможной военной конфронтации.

Он также разделяет беспокойство русского народа перед лицом угрозы немецкого вторжения:

«Принимая во внимание растущее беспокойство русского народа из-за немцев, принимая во внимание вполне справедливое подозрение, с которым славянская раса смотрит на усиливающееся стремление центральной расы на Восток Европы, принимая во внимание серьезность и обязательность, с которыми Россия относится к результатам и поспешности этой конференции, не будет ли ошибкой думать, учитывая важность всех этих серьезных предостережений, что она не допустит жестокостей пламенной борьбы, пусть еще отдаленной, но все-таки возможной?»

Уже давно, если это вообще когда-либо прекращалось, русские выражают и воплощают гнев против немецкого вторжения, которое бросает им вызов и приводит в ярость» [1. — С. 10–11].

Ни в коей степени Марти не одобрял террор как форму борьбы. По прибытии в Нью-Йорк в 1881 году известного нигилиста Льва Гетмана, обвиненного во взрыве поезда во время покушения на жизнь царя, Марти написал:

«Их политическая вера не оправдывает их расчетливого и бесславного преступления: лучше продолжать пребывать в определенном рабстве, чем быть обязанным свободой преступлению» [1].

Марти был бойцом. Да! Но бойцом с честью, «бойцом без ненависти», как определила его чилийская поэтесса Габриела Мистраль¹.

Для Марти, который никогда не был в России, честный и правдивый образ этой страны, который он сумел пере-

дать своим современникам, основывался прежде всего на впечатлении, произведенном на него чтением классиков русской литературы и знакомством с изобразительным искусством страны.

В своих публицистических статьях, хрониках и других произведениях, а также в письмах, составляющих обширную коллекцию, Марти восхваляет творчество выдающихся русских писателей, с которыми познакомился путем чтения переводов их произведений на испанский, английский и французский языки. Так, комментируя произведения Федора Михайловича Достоевского, Марти говорит:

«После написания такой суровой книги, как «Преступление и наказание», такой живописной, как «Бесы», такой сладостной, как «Братья Карамазовы», [Достоевский] поднялся до самых вершин (...) [Достоевский] владеет пером, как едим копьем (...) у него глаз орла и сердце голубя» [5].

В своих трудах Марти также демонстрирует знание творчества Кюживского, Полонского, Майкова, Аксакова, Тургенева, Островского, Белинского, Каткова, о чем свидетельствуют его комментарии о творчестве этих авторов в письмах своим друзьям и коллегам, и в частности своему другу Мануэлю Меркадо.

Марти был первым латиноамериканцем, сделавшим критический анализ творчества Льва Николаевича Толстого. В различных работах он подчеркивает яркую реальность, проявляющуюся в произведениях русского писателя, его способность рассказывать о действиях от первого лица, с точки зрения персонажей, со всеми их противоречиями и успехами, которые, таким образом, вызывают у читателя уникальные, незабываемые ощущения и сопереживание.

Хосе Марти был еще более восхищен фигурой Александра Сергеевича Пушкина. Невозможно не отметить замечательную газетную статью под

¹ Габриела Мистраль (1889–1957) — чилийская поэтесса, дипломат и педагог, лауреат Нобелевской премии по литературе 1945 года.

названием «Памятник человеку, открывшему дорогу к свободе России», опубликованную в Нью-Йорке 28 августа 1880 г. по случаю открытия в Москве памятника Пушкину, в которой Хосе Марти отдал заслуженную дань уважения величайшему представителю русской поэзии:

«Человек всех времен и стран, с целой вселенной в груди» [2].

Марти привлекал не столько непревзойденный литературный талант Пушкина, который он смог оценить благодаря прекрасным переводам французского писателя Проспера Мериэ, сколько его ореол борца за справедливость, поэта, противостоящего бесчестью аристократии своим словом. В Александре Сергеевиче кубинский поэт видел, прежде всего, единовеца, отождествлял его со своим делом, поэтому он упрекает его в якобы равнодушии перед лицом страданий русских людей, в том, что тот не пошел дальше и не отдал всего себя за свой народ, не боролся до победного конца.

«Почести воздавались с пышностью и блеском, говорили знаменитые ораторы, читались памятные стихи, но слышались и ненавидящие голоса: неужели народ обожает его и в то же время ненавидит? (...) Недавний московский праздник был площадью политической агитации со страшными обвинениями и народным ожесточением. Народ понимал Пушкина сердцем, но хотел наказать его за отсутствие характера» [2].

Пушкин представлялся Марти великаном, стоящим перед горой, которую он мог бы легко сдвинуть руками своих произведений, потому что для кубинца литература была гораздо больше, чем просто искусство. Ему сложно было представить себе интеллектуала, упускающего возможность использовать свое произведение как трибуну в борьбе с социальной несправедливостью. Как верно заметила гигант испаноязычной литературы Габриела Мистраль, говоря о Марти: «(...) о нем всегда будут

говорить как о деле морали, а его литературное творчество мы поставим как следствие» [3. — С. 35].

В вышеназванной статье Марти превозносит человеческие ценности Александра Пушкина, воздает заслуженную хвалу его таланту и грации, а также мужеству, которое он, несомненно, проявил в нужный момент:

«Пушкин был почти мальчиком, когда он уже царствовал в салонах. Его обожали женщины, почитали и боялись мужчины. Его воображение рисовало замки. Удивительный поток его остроумия согревал все сердца. Искренние люди остаются искренними, несмотря ни на какие капризы судьбы. Если они случайно отступают от добродетели истины, то лишь на короткое время. Они обязательно возвращаются. Любовь к справедливости и ненависть к тирании побуждали молодого Пушкина писать язвительную сатиру» [2].

Хосе Марти, завершая свою статью, обвинял русскую аристократию в смерти величайшего русского поэта:

«Их соблазны разрушили богатый источник его вдохновения. Любовь к справедливости и правде считались преступлением для общества, которое извратило свою природу. Его жизнь была битвой. Битвой до ее апофеоза. Но похвала поэту не может быть чрезмерной» [2].

Также отмечал неоспоримую универсальность Пушкина:

«Пушкин не столь известен во всем мире, так как писал на русском языке, но как только знакомятся с его произведениями, его имя уже не могут забыть» [2].

Марти обладал удивительным талантом к языкам и, к моменту его прибытия из Испании в Латинскую Америку после долгих лет изгнания, он в совершенстве владел не только английским и французским языками, но и греческим, латынью и ивритом. Можно только сожалеть, что Марти не успел изучить русский язык за годы своего странствия по

Европе, ибо можно только представить, какие превосходные версии произведений русских классиков оставил бы нам автор, подаривший прекрасные переводы произведений Виктора Гюго, Ральфа Уолдо Эмерсона, Хелен Хант Джексон, Эдгара Аллана По, Генри Уодсворта Лонгфелло и Уолта Уитмена.

Как однажды сказал исследователь Мануэль Теллечеа¹: «Хосе Марти — латиноамериканец, внесший наибольший вклад в литературное наследие США» [6].

Несмотря на незнание русского языка, Хосе Марти всегда использовал возможность выучить русские слова и фразы, которые он записывал в один из своих блокнотов. Он с удовольствием комментировал в разговорах с друзьями изысканную звучность экзотического для него славянского языка.

Еще одним важным моментом в сближении Хосе Марти с Россией стала его критика работ известного художника Василия Васильевича Верещагина.

В конце 1888 г. Верещагин посетил Нью-Йорк с выставкой своих лучших работ. Хосе Марти, который жил в Нью-Йорке с 1880 по 1895 гг. и активно занимался журналистикой в то небольшое время, которое у него оставалось между подготовкой к войне за независимость и организацией, основанной им в изгнании Кубинской революционной партии, посетил выставку, чтобы написать один из своих художественных обзоров для аргентинской газеты «La nación».

В своем эссе «Asir la luz» («Захватывая свет») кубинский филолог, дипломат и писатель Блас Набель Перес Камехо, большой знаток творчества Верещагина, вспоминает момент встречи двух удивительных людей: «Естественно, они пожали друг другу руки, так как у художника было принято лично приветствовать каждого, кто посещал галерею, где выставлялись его работы».

Впечатление Хосе Марти от работ Верещагина превзошло все ожидания. В своей публикации для газеты «La Nación» он выразил глубокое восхищение, которое испытал не только к работам художника, но и к его импозантной личности. Вот как Марти описывает Верещагина:

«...высокий гладкий лоб, орлиный взор, хищный нос, сильные челюсти, черная, как смоль, борода» [7].

Его затронула скорбная атмосфера картин, изображающих поля сражений, душераздирающую реальность земли, покрытой трупами, холодная покорность, скорбь и решимость на лицах живых:

«Однако там, где царит одинокая смерть, там, где человек уже перестал страдать, там Верещагин находит возвышенность, которой всегда не хватает (возможно, потому, что художник презирает людей, которых знает) в полотнах, где хотелось бы видеть нечто большее, чем живописные фигуры людей: такова, например, картина — торжественная дорога Дуная, усеянная тут и там, в виде единственного цветного пятна на бескрайнем, покрытом снежными сугробами пространстве, трупами турецких солдат, которых оставила по пути армия победителей. И единственные стражи, которые караулят этих мертвецов, — телеграфные столбы, необычайно красноречивые в этом безмолвии. А единственными друзьями убитых солдат можно считать воронов, сидящих на их телах и одежде. Или другая картина, о другом времени, полном величия и нежности: в густой траве, усеянной бледно-восковыми мертвецами, под мрачным, набухшим от дождя небом, два оставшихся в живых воина — командир в боевом мундире и священник в погребальном облачении — хоронят, с болью, пробирающей до костей, бормоча молитву под удары кадильницы, эскадрон, который турки уничтожили одной атакой» [7].

¹ Мануэль Теллечеа (1886–1974) — выдающийся аргентинский натуралист, геолог и палеонтолог.

Марти также высоко оценивает умение Верещагина передать в своих произведениях самую суть человеческой природы, мастерское отражение им взглядов и характеров людей разных возрастов, культур, социальных уровней и национальностей:

«Как будто резцом, а не кистью он изображает на кроваво-красном фоне раввина в очках и ермолке, типичного еврейского раввина; Верещагин идет через пустыни и пропасти, ища интересные его типажи, и находит усатого мадьяра и носатого сирийца, ряженого армянина, черкеса в остроконечной феске, гордого выходца из Мингрелии, курда с профилем, похожим на овечий, жилистого турка, болгарина, красивого

и печального, высокого валлаха, великолепного молдаванина» [7].

Кубинского деятеля также тронули картины с библейскими отрывками, столь характерные для русского изобразительного искусства, наделенные несравненной реалистичностью и красотой. Впечатленные сценами, изображенными на картинах, Марти размышляет:

«И возможно, если бы она не осталась наброском, это была бы одна из самых замечательных картин нашего времени благодаря откровенности замысла и мастерству, с которым, при естественном контрасте с окружением, выявляется возвышенная душа Иисуса. Верещагин изобразил семью

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Верещагин Василий Васильевич (1842–1904)

Дата создания: 1884–1885

Материал: холст. Техника: масло. Размер: 100,4 x 121 см

© Частное учреждение культуры «Русский центр искусства» (Калининград, Россия)

Иосифа в бедном дворе: с одной стороны отец и его ученик, с другой — Мария, утешающая грудью голод новорожденного ребенка, другой сын у ног, еще один стоит рядом в слезах, прижав руку к глазам, и еще двое, которым уже лет по десять, болтают, лежа прямо на земле, о вещах не более серьезных, чем волчки и кегли; над головой Марии сушится постиранное белье; петух с курицами едят у подножия каменной лестницы, а на ступенях, так что он кажется выше всех остальных, читает Иисус» [7].

Статья Марти полна восхищения и искренней радости по поводу несравненного таланта знаменитого русского художника. В произведениях Верещагина Марти находит все то, что составляет суть его собственной жизни: мужество, самоотверженность, искренность, сострадание, любовь к жизни и, прежде всего, безграничную чувственность. Творчество Верещагина открыло для Марти прямой путь к пониманию культуры, которая всегда пленяла его, и доступ к которой всегда был закрыт для него географическими, идиоматическими или просто экзистенциальными барьерами. Это выразительно отражено в словах, которые, помимо трогательной красоты, поражают глубоким знанием русской души человека, никогда не выезжавшего за пределы Пиренеев.

«Русский народ несет с собой обновление. Патриархальное дитя, с наивной и возвышенной душой. У него крылья из крови и когти из камня. Он умеет любить и убивать. Он — крепость с замшелыми стенами, со змеями под

камнями и голубкой внутри. Под фраком он носит доспехи. Если он ест — это пир; если пьет, то бочками; если танцует — это вихрь; если ездит верхом — это лавина; если наслаждается, то до безумия; если командует — это приказ сатрапа; если служит, то как верный пес; если любит — это кинжал и ковер. Животное творение отражается в глазах русского с утренней чистотой, как будто природа только что сотворила мужчину из волка и льва, а женщину — из лисы и газели. Свет горит в русских глазах, глазах, в которых есть что-то от пламени Востока, глазах нежных, как у перепелки, изменчивых, как у кошки, мутных, как у гиены. Это человек, полный страсти и красок, рычащий и воркующий, искренний и сильный. Он двигается тяжело под своим французским плащом, который ему, как бордатоу Гераклу, — детская одежда. Он сидит в белых перчатках за столом, за которым подают медвежатину» [7].

Восприятие кубинским героем русской литературы и искусства — это памятник просветительской силе художественного чутья. Писатель умел увидеть на страницах книг и на полотнах великих русских творцов то, чего не замечали поколения путешественников, купцов и захватчиков, ступавших на славянские земли, ослепленные жаждой власти и алчностью. В лице Хосе Марти мы имеем постоянного учителя, который заглядывает в сердца людей с любопытством мудрого, с восхищением и уважением друга, чем, в свою очередь, оставляет нам ценное наследие знаний.

Литература

1. *Martí J.* El último paquete. Rusia. — La conferencia de Bruselas. — Odio a los alemanes. — El príncipe heredero / José Martí // Obras completas. Edición crítica. — T. 3. — La Habana, Cuba: Centro de estudios martianos, 2016.
2. *Foner Philip S.* On art and literature by José Martí. Critical writings / Philip S. Foner // Library of Congress Cataloging in Publication Data. — Washintong D.C., USA, 1999. — P. 284–293.
3. *Mistral, Gabriela,* La lengua de Martí. — Colección Claves, Ediciones Minci. — República Bolivariana de Venezuela, 2018.
4. *Мальшица Б.Х.Ф.* Мышление Хосе Марти как интернационалиста и его связи с Россией // Международная жизнь. 25 марта 2015 г.

5. *Martí J.* Epistolario: Antología. — Editorial Gredos. — Madrid, 1973.
6. *González E.* José Martí y la traducción. [web resource]. — URL: <https://www.translationdirectory.com/articles/article1670espanola.php> (дата обращения 13.04.2023)
7. *Martí J.* La exhibición de pinturas del ruso Vereschagin // La Nación. — Buenos Aires, 3 de marzo de 1889.
8. *Álzaga F.* Concepción estética del arte y la literatura en José Martí. — Barry University, Miami, Florida.